

ВЕСТИНИК

ПЕРМСКИЙ ЦЕНТР ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

ИЮЛЬ 2022

ПРОЕКТЫ

16 мая прошло общее собрание членов новой общественной организации, названной «Центр исторической памяти». Учредителями её выступили несколько пермяков, которые ранее являлись членами ныне ликвидированного Пермского «Мемориала». Председателем Центра избрали Александра Анатольевича Чернышова, который много лет курировал такие проекты, как «Последний адрес», «Возвращение имён», электронная «Карта ГУЛАГа в Прикамье». Мы поговорили с руководителем Центра накануне очередной экспедиции «По рекам памяти».

– Александр, расскажите немного о себе. Вы ведь далеко не сразу начали заниматься правозащитной деятельностью...

– Мне скоро 50. Родился в Перми. Папа – токарь-расточник, мама – медсестра. В 1994-м году я закончил пермский Институт культуры по специальности «Режиссура театрализованных представлений». После окончания института пришёл в пермскую 22-ю, «французскую», школу – организатором внеклассной работы. Я там работал долго, тринадцать лет. Там же заинтересовался историей, краеведением... И вот когда учитель истории нашей школы Галина Дмитриевна Масленникова предложила организовать экспедицию по истории семьи, я с удовольствием согласился. Мы втроём отправились в Усольский район: в село Романово, деревню Зуево... Очень мне в этой экспедиции понравилось! Я тогда окончательно понял, что всерьёз хочу заняться историей, связанными с самыми разными семьями, в том числе, и своей.

Вы знаете, а ведь моё школьное выпускное сочинение было... «мемориальским»! Эпиграф я взял такой: «Если ворона – значит, сел. Если много знал – под расстрел». Это строки одного из ранних стихотворений Владимира Высоцкого.

В феврале 2002-го года, когда я уже был вполне себе начинающий краевед, Галина Дмитриевна пригласила меня на конференцию, на которой выступали организаторы известного школьного конкурса «Человек в истории. Россия – XX век». В том числе, учёный, преподаватель нашего гуманитарно-педагогического университета Андрей Борисович Сулов и главный художник Пермского театра кукол, бывший политзаключённый Волеслав Карлович Стенинг... Меня эти выступления поразили: я нашёл в этих людях единомышленников! В планах конференции была поездка в Ныроб, которую мы организовали вместе с Галиной Дмитриевной Масленниковой и общественниками из Ныроба. Они же помогли нам с адресами репрессированных местных жителей. Наладились отношения с преподавателями Ныробской средней школы. Мы приезжали, записывали интервью. Некоторые из них потом вошли в самые разные издания, использовались и для создания наших выставок. После первой такой экспедиции у нас была ещё одна подобная. Мы решили повторить, потому что поняли: этим надо заниматься дальше...

В 2004-м году у нас с Сергеем Котельниковым вышла книга, путеводитель «По реке Берёзовой», которая протекает в Чердынском районе. Котельников описывал памятники природы, достопримечательности, а я в третьей части этого издания писал про репрессии в этих местах: на основании двух экспедиций.

Позже я два года работал в музее «Пермь-36», сотрудничал с Пермским «Мемориалом». Но на постоянную работу

АЛЕКСАНДР ЧЕРНЫШОВ: «НАДО, ЧТОБЫ ИСЧЕЗЛИ ВСЕ БЕЛЫЕ ПЯТНА»

Фото 1936-го года. Станция Волегово. Жители дома железнодорожников. В среднем ряду, вторая слева (в шапочке) Зинаида Гилёва; в этом же ряду девочка, прикрывшая лицо ладошкой – Аграфена Плешивых.

в эту ныне ликвидированную организацию я пришёл осенью 2013-года, меня туда пригласил её руководитель Александр Михайлович Калих...

– В Уставе новой организации, опубликованном в июньском выпуске «Вестника», конкретно обозначены цели деятельности Центра. Такие, например, как «сохранение и увековечение памяти о жертвах тоталитарного режима в СССР...» Что для вас лично в этом содержательном списке наиболее важно? Что нового появится в работе организации?

– Всё важно. Особенно исследовательская и просветительская работа. Как я это вижу? Когда ещё двадцать лет назад мы начинали в Ныробе, у меня уже изначально была мысль, а какой может быть финальный итог этой всей огромной работы? Мне представлялось, что это будет некий обобщающий текст. То есть для меня важно не просто записать интервью, собрать материал – и всё! Важно всё собранное систематизировать и оформить, это и будет окончательная часть большого труда. Лично мне это видится так.

Поясню на примере. Вот электронная Карта ГУЛАГа. Мне кажется очевидным, что этот проект надо продолжать делать в несколько другом ключе. Проект тот же, но он должен получить новую форму, новое качество. Это полностью собранный и обобщённый материал: либо по какому-то конкретному району, либо по определённой категории высланных. Например, о высланных белорусах: я уже несколько лет собираю такую информацию. Сейчас Карта ГУЛАГа – это сведения о конкретных посёлках. Название посёлка, сколько в нём проживало спецпереселенцев, каких категорий, где они работали... То есть это сугубо справочный материал. А теперь, как мне представляется, он должен стать развёрнутым.

И так далее: высланные литовцы, «раскулаченные» крестьяне... Категорий множество. Плюс отдельно – работа по районам. Надо опять же имеющиеся материалы обобщить, систематизировать, сделать общий текст по каждому району, где в ос-

нове будут и архивные документы, и материалы экспедиций, и материалы проекта «Последний адрес»...Центральными могут стать одно-два интервью: характерные, показательные именно для этой территории.

Мне бы хотелось, чтобы активнее шла работа там, где практически совсем нет никакой печатной продукции, например, в Чердынском районе. Этот район, Соликамск, Красновишерск – лидеры по высылке. Но, например, по Красновишерску, есть немало материалов. Это и фильм о Варламе Шаламове, и вышедшая в прошлом году книга «Вишера», в которую целиком вошёл его знаменитый антироман, и книга воспоминаний репрессированных «Красное колесо Вишеры», и сравнительно недавнее издание Аллы Южаниновой «Стройка первой советской пятилетки ВИШХИМЗ»... Но вот в Чердыни, кроме путеводителя «По реке Берёзовой» и книги воспоминаний «Без вины виноватые», которую выпустила Чердынская районная библиотека ещё в 2007-м году, ничего больше нет. Но это же ничтожно мало! А ведь что такое Чердынский район? Это ссылка – и многовековая. Она была ещё до революции, это был известный ссылный край. И вот теперь, я уверен, надо завершить тему расселения спецпереселенцев с 1931-го года, потому что вот оно – белое пятно! И тогда мы сможем говорить уже о создании более-менее полноценной истории ссылки в нашем крае.

Я знаю, людям это надо, у них есть потребность соприкоснуться с этой историей....

Ещё у меня есть одна идея, подсказанная моим режиссёрским образованием. Можно в библиотеках, например, устраивать тематические театрализованные представления. Мне кажется, было бы уместно развивать такое направление. Нет, это должен быть не спектакль, а тематический вечер. Сценарий написать, предложить его библиотеке...Например, почему бы не провести вечер репрессированных поэтов?! Я и сам мог бы написать немало таких сценариев.

Продолжение на стр.2

В НОМЕРЕ

ВСТРЕЧА ЧЕРЕЗ 85 ЛЕТ

Дочери двух репрессированных и расстрелянных железнодорожников со станции Волегово неподалёку от Верещагино встретились через 85 лет. Им было по четыре года, когда их отцов арестовали, но они хорошо помнят весь этот день. Это был день 7 июля 1937 года – день начала Большого террора.

Стр.1-2

Александр ЧЕРНЫШОВ:

...Мемориальную табличку в Центральном Коспашском мы установили рядом с входом в библиотеку, которая находится в центральной части посёлка. На ней – текст о самом посёлке. Более половины населения Коспашского района составлял так называемый «спецконтингент» – семьи «раскулаченных» и высланных крестьян (не менее 900 человек), депортированные немцы Поволжья и крымские татары (более четырёх тысяч человек) и так далее...

Всего в этой экспедиции мы записали девять интервью, шесть в Центральном Коспашском и три – в Углеуральском.

Из интервью с председателем Центра исторической памяти

Стр.2

Таисья БОРИСОВА:

– ...Ехали долго. К концу второй недели их высадили на какой-то станции. Из рассказа мамы я поняла, что это была Тёплая Гора. До посёлка Промысла шли пешком, там переночевали в каком-то бараке, напротив моста. Утром приехало несколько подвод лошадей. Дети и пожилые люди, кому хватило места, уселись на подводы, остальные отправились пешком. К вечеру, когда стало смеркаться, они увидели какой-то полуразвалившийся барак. Кругом была тайга, тайга, тайга... Тут они и остановились, им сказали, что здесь надо построить посёлок, в котором они и будут жить. Часть взрослого населения стала рыть землянки, другая часть вручную валила деревья, корчевала пни... Есть было нечего, да и не из чего. Люди собирали пустые консервные банки, выдобирали что-то наподобие корытец из дерева, ложки тоже вырезали из дерева. Спецпоселенцам выдавали немного муки и хлеба. Взрослому работающему по 400 грамм в день, неработающему – по 200 грамм...

Из воспоминаний дочери «врагов народа»

Стр.3

АРМЯНСКАЯ РОЗА

Её стаж работы в местном детском саду – 27 лет. В Краснокамск Роза Чубанова, воспитавшая тысячу прикамских детей, переехала из-за мужа Володи. Семья мужа – крымские армяне. В Молотовскую область (сейчас Пермский край) их депортировали во время Великой Отечественной войны. А встретились они в Ереване, куда Володя приехал в начале семидесятых погостить к одной из сестёр после армии. Сестра его и познакомила с Розой. Они обручились, потом поженились. Родили трёх дочек и сына...

Стр.4

ПОДРОБНОСТИ

РОБЕРТ ЛАТЫПОВ ПОКИНУЛ РОССИЮ

После начала военной спецоперации России на Украине Пермский «Мемориал» опубликовал на своём сайте антивоенное заявление (позже его сняли по совету юристов). Руководитель организации Роберт Латыпов сделал репост заявления на своей странице «ВКонтакте». В марте полиция возбудила дело по статье 20.3.3 КоАП РФ (дискредитация вооружённых сил РФ). Ордонкидзевский районный суд оштрафовал Роберта Латыпова на 15 тысяч рублей.

В суде Латыпова защищала юрист Елена Першакова. Она рассказала, что решение районного суда обжаловано в краевом суде. Она также сообщила, что полиция хотела

возбудить дело и на Пермский «Мемориал». Но организация была принудительно ликвидирована в апреле этого года после того как Минюст отказался регистрировать её новый Устав и название. Административное дело на организацию было прекращено.

Руководитель Пермского «Мемориала» покинул Россию из-за угроз. Роберт Латыпов рассказал, как полицейские приходили к нему домой и угрожали его семье, что дело по административной статье о дискредитации вооружённых сил РФ может быть переквалифицировано в уголовное.

По материалам телеграм-канала интернет-журнала «Звезда»

Комментарий Роберта Латыпова для «Вестника Центра исторической памяти»:

– Выдавливание из страны гражданских активистов и журналистов, негодных российскому политическому руководству, происходит уже много лет. В последние месяцы из-за известных событий этот процесс многократно усилился. Штрафы, аресты, принудительные закрытия общественных организаций и СМИ, сужение пространства для своих проектов, прямые угрозы гражданам — инструментальный давлению у правоохранителей довольно широк. Если подобные сигналы вами игнорируются, есть большой шанс получить реальный срок заключения. Примеры, так сказать, на слуху.

Выезд из страны первоначально мной был задуман кратковременным и плановым, поскольку связан с продолжением исследовательской работы по истории диссидентского движения. Сейчас же ситуация кардинально изменилась, придётся задержаться.

Свою мемориальскую деятельность продолжаю, находясь на постоянной связи с пермскими и московскими коллегами.

ПРОЕКТЫ

АЛЕКСАНДР ЧЕРНЫШОВ: «НАДО, ЧТОБЫ ИСЧЕЗЛИ ВСЕ БЕЛЫЕ ПЯТНА»

Окончание. Начало на стр. 1

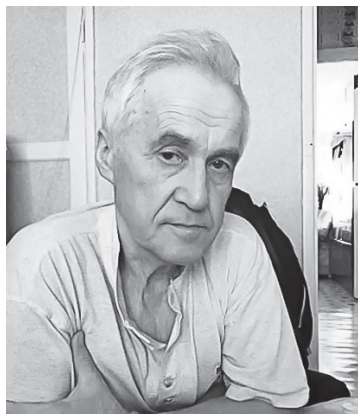
– Какие проекты осуществлены за два этих прошедших месяца?

– Во время экспедиции «По рекам памяти» мы посетили Кизел, посёлок Центральный Коспашский, Губаху, посёлок Углеуральский. Правда, это был не традиционный сплав по реке, но мы решили оставить прежнее название. Почему именно туда? Туда было выслано много разных категорий спецпереселенцев, заключённых, депортированных народов... И там есть ещё не исследованные нами населённые пункты. Там были и военнопленные: советские солдаты, которые попали в плен к немцам, а потом оказались здесь в проверочном фильтрационном лагере.

В Центральном Коспашском мы записывали интервью с жителями посёлка, нас интересовали высланные сюда. Но здесь всё связано с работой шахт. Если кто-то и не работал непосредственно в забое, то всё равно так или иначе имел к ним отношение.

Нам повезло: утром на второй день экспедиции к нам пришёл Наиль Степанович Ризаутдинов, который родился в этом посёлке. 9 июля ему исполнился 81 год. Ризаутдинов возглавлял СПТУ №20. Это было известное учебное заведение, которое готовило рабочие кадры для шахт, там было много самых разных специальностей. Училище считалось главным в Кизеловском угольном бассейне, это было ключевое среднее специальное учебное заведение. Наиль Степанович в течение всего дня подробно рассказывал нам и про посёлок, и про училище, и вообще о шахтах. О том, как до сих пор не проходит боль, связанная с их закрытием...

Мемориальную табличку мы установили рядом с входом в библиотеку, которая находится в центральной части посёлка. На ней – текст о самом посёлке. Более половины населения Коспашского райо-

Большую помощь в работе экспедиции в Центральном Коспашском оказал Наиль Степанович Ризаутдинов.

на составлял так называемый «спецконтингент» – семьи «раскулаченных» и высланных крестьян (не менее 900 человек), депортированные немцы Поволжья и крымские татары (более четырёх тысяч человек) и так далее...

Всего в этой экспедиции мы записали девять интервью, шесть в Центральном Коспашском и три – в Углеуральском.

– Знаю, что из-за проливных дождей, размывших часть дороги на станцию Волегово в Верещагинском округе, пришлось перенести на более позднее время уже согласованную с администрацией Верещагино экспедицию...

– Да, это очень важная экспедиция, она связана с 85-летием Большого террора, и она должна была пройти как раз в день его начала – 7 июля, в день ареста железнодорожников станции Волегово, что в тридцати километрах от Верещагино: Поликарпа Дементьевича Гилёва и Наума Харламовича Плешивых, они были соседями. Позже они были осуждены и расстреляны, а ныне – реабилитированы.

Их семьи остались без отцов. Таблички «Последнего адреса» мы установили. Их дочери живы, в этом году им обеим исполняется девяносто лет. Мы их разыскали... Это было такое радостное событие! Они, хоть и были ещё

Александр Чернышов.

Члены экспедиции на берегу Усьвы.

Александр Чернышов берёт интервью. Пермь, ул. Достоевского, 1.

маленькими, помнят то время, арест отцов, рассказали, как сложились их жизни.

Дочь Плешивых, Аграфена Наумовна, живёт в Соликамске. Пятого июня в Соликамске и состоялась встреча её и дочери Гилёва, Зинаиды Поликарповны Бердниковой. Они встретились через... 85 лет! Им было по четыре года, когда их отцов арестовали. Но Зинаида Поликарповна чётко, до мельчайших подробностей помнит весь этот день...

На станции Волегово сейчас наша задача – создать полноценную композицию. Мы установим портрет Поликарпа Гилёва; там уже висит копия фотографии 1936-го года, на которой запечатлены жители дома железнодорожников. Но дополнительно ещё

установим табличку с именами девятнадцати расстрелянных, также проходящих по этому делу. Они, якобы, проводили диверсии на железной дороге. Сотрудники НКВД в июле 1937-го года разглядели в коллективе железнодорожников «повстанческую организацию, ставившую своей целью свержение существующего строя путём вооружённого восстания...» Все члены этой «организации» полностью реабилитированы.

Так что это предстоящее очень важное событие посвящено как 85-летию Большого террора, так и 85-летию их ареста.

– Куда завтра отправляется очередная экспедиция?

– Это экспедиция в Красновишерский городской округ.

Там, по традиции, будет записано интервью и установка четырёх временных мемориальных знаков, посвящённых памяти жертв политических репрессий, их список нам дали в администрации округа. Мы отправляемся в посёлки Данилов Луг и Усть-Язвю. Это бывшие спецпосёлки, они находятся недалеко друг от друга. Участник экспедиции Владимир Фёдорович Хомустенко – житель Чайковского (его родители были репрессированы), родом из Данилова Луга. Там дом его родителей сохранился. Владимир Фёдорович сейчас оформляет документы для того, чтобы организовать в Чайковском филиал Центра исторической памяти.

Первую из четырёх табличек установим в Усть-Язвю, вторую – в урочище Юмышт, там был спецпосёлок раньше; третью и четвёртую – в урочищах Парма и Тепловка.

– Александр, давайте в заключение нашей беседы напомним, как стать членом новой некоммерческой организации с хорошим названием «Центр исторической памяти»?

– Надо заполнить стандартный бланк заявления, он опубликован в июньском выпуске «Вестника», а затем передать или выслать на моё имя: г. Пермь, ул. Крупской, 40. Телефон (342) 282-54-42

Татьяна ЧЕРЕПАНОВА

Фото Степана Кириченко и из архива Александра Чернышова.

ЛЮДИ И СУДЬБЫ

В Медведке Таисья Васильевна Борисова живёт с третьего класса. А на свет она появилась в посёлке Боровском, куда в тридцатых годах были высланы её родители – отец из Смоленской области, мать – из Псковской.

Первые годы жизни на новом месте она помнит хорошо. Родители купили лачугу на окраине посёлка. Четыре стены. Даже крыши не было. Отец был хорошим плотником. Вскоре дом преобразился – появился пристрой со второй комнатой, кухня.

–... Люблю Медведку, – говорит моя собеседница. – Душа болит, когда вижу, как погибает посёлок. Дома рушатся. Не живут в них люди, не поддерживают, не ремонтируют. Работы в посёлке нет, вот и уезжают...

Жизнь посёлка, ставшего ей родным, она знает, что называется, из первых уст. Она педагог. Три года в начале своего трудового пути отработала в школе и ещё тридцать семь лет – в детском саду. А значит, постоянно с людьми работала – с маленькими и большими.

– В детском саду в прежние годы было три группы, в каждой из которых по двадцать восемь детей, – вспоминает Таисья Васильевна. – Это теперь одна группа при школе, которую посещает десяток ребятишек. Кстати, в школе Медведки такая же картина – мало учеников.

О школьных делах она тоже не понаслышке знает. Дочь – учитель начальных классов. Продолжительница, так сказать, династии. И школьные проблемы Таисью Васильевну по-прежнему волнуют. Да похоже, что вся семья делами медведкинской школы занимается. Даже внук из Качканара какие-то лампы для интерактивной доски везёт. Это всё – сегодняшние заботы. Но хранятся в этой семье воспоминания и о других временах.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ
ТАИСЬИ ВАСИЛЬЕВНЫ
БОРИСОВОЙ

...Где-то в середине весны к дому Трошковых (это мои дед, бабушка и будущая мама) ночью подкатил «воронок». Из него вышли какие-то незнакомые люди в военной форме, велели срочно собираться и ехать вместе с ними. Куда и зачем – никто ничего не объяснил, да и разговаривать эти люди не стали, а тем более что-то объяснять. Моя бабушка, Трошкова Наталья Дмитриевна, хотела собрать с собой кой-какие вещи, но дед, Трошков Григорий Васильевич, её отговорил, мол, это недоразумение, зачем что-то собирать? Что их утром же отпустят домой. Тем более, около двух лет назад они горели. Сгорело всё: и скотина, и дом, и все постройки. Да и сам дед сильно обгорел, более месяца провёл в больнице. Они только-только стали, как говорится, отстраиваться на пепелище. Дом был ещё не достроен. Конюшню достроили, из скота были только корова и

лошадь. Так что дед никак не мог ожидать, что его семью объявят «врагами народа», а его – «кулаком». Таким образом, конечно, ни утром, ни завтра, ни послезавтра их домой не отпустили. Погрузили в телячий вагон, народу было: тьма-тьмущая... Весь состав состоял примерно из двух десятков таких вагонов, заполненных людьми. Здесь были и старики, и дети, и женщины с грудными детьми на руках. В вагонах было жарко и душно. На весь вагон два маленьких окошечка. Вдоль стен в три яруса были расположены то ли полки, то ли топчаны... Туалета в вагоне не было, молодые стеснялись, не знали, где им справиться нужду. Потом кто-то догадался, в углу вагона пробили дыру, а сам угол завесили какой-то большой тряпкой или простыней. Сделали что-то вроде ширмы. Это и стало туалетом. Стояла вонь. Дети, которые находились с родителями на верхних полках, часто писались, а иногда и хуже... Всё это стекало на нижние полки. Воды не было. Самые смелые открывали окошечко и просили конвоиров почерпнуть в банку или ковшик снега, чтобы растопить его. Но и конвоиры были разные – кто-то мог почерпнуть, а иные только кричали: «Закрой окно! Стрелять буду!» – и крыли матом. Очень многие, особенно пожилые люди и грудные дети, не вынесли такой утомительной тяжёлой дороги...

Ехали долго. К концу второй недели их высадили на какой-то станции. Из рассказа мамы я поняла, что это была Тёплая Гора. До посёлка Промысла шли пешком, там переночевали в каком-то бараке, на-

против моста. Утром приехало несколько подвод лошадей. Дети и пожилые люди, кому хватило места, уселись на подводы, остальные отправились пешком. Шли очень долго, часто отдыхали в дороге. К вечеру, когда стало смеркаться, они увидели какой-то полуразвалившийся барак. Кругом была тайга, тайга, тайга... Тут они и остановились, им сказали, что здесь надо построить посёлок, в котором они и будут жить. Часть взрослого населения стала рыть землянки, другая часть вручную валילה деревьев, корчевала пни... Позже стали строить бараки.

Есть было нечего, да и не из чего. Люди собирали пустые консервные банки, выдалбливали что-то наподобие корытец из дерева, ложки тоже вырезали из дерева. Спецпоселенцам выдавали немного муки и хлеба. Взрослому работающему по 400 грамм в день, неработающему – по 200 грамм.

Люди голодали, ели всё, что могли собрать. Это была и крапива с лебедой, и хвощ, кора и хвоя деревьев... Люди мёрзли, как мухи. Началась цинга, опухали и кровоточили дёсны, зубы выпадали... Да и сами пухли от голода. Заболела и слегла моя бабушка, Наталья Дмитриевна. Лечили её настоем молодых сосновых веточек. Пить было противно, но необходимо. Бабушке повезло, она выздоровела, чего нельзя сказать о многих других спецпереселенцах. Чуть окрепнув, бабушка решила бежать на родину, на Псковщину. Первая попытка не удалась. Её поймали и посадили в карцер, где она провела около недели. Места в нём

было очень мало, даже лежать было невозможно: только стоять и сидеть. Вторая попытка побега удалась, через месяц или два она вернулась в Псковскую область.

А в Боровском пошёл мор на детей (острая диспепсия). За сутки умирали по 10-12 детей. Эта участь постигла и моих старших братишек. Один с 1940 года рождения, другой с 1942 года рождения.

В 1943 году умер дед Григорий Васильевич. По всем признакам у него была прободная язва, так как была рвота сгустками крови.

Папа освоил профессию плотника, строил бараки. Когда в 1941 году началась война, мой папа, Шашкин Василий Игнатьевич, подал заявление в комендатуру, чтобы его взяли добровольцем на фронт – ему отказали. Месяца через три он снова подал заявление – ему снова отказали. Так всю войну он и проработал на военных заводах в Салде и Нижнем Тагиле.

Мама работала в забое в бригаде под руководством Михайлова Петра Фёдоровича. Когда оставался месяц до моего рождения, маму перевели на «лёгкий труд», в лес: окапывать деревья по пояс в снегу.

В 1947 году наша семья была освобождена комендатурой из спецпоселения. К нам вернулась бабушка, ведь здесь был похоронен её Гриша.

Я хорошо помню, как мы жили в бараке. Барак был длинный, в нём жили четыре семьи: Шашкины, Кононовы (потом Елсуковы), Базуевы и Дубковы (дед и бабушка Гуляевой Любовь Леонидовны). Напротив стоял

такой же длинный барак, в нём жили высланные немцы: семьи Шлегер и Кроммер. С ними мы жили очень дружно. Только старожилы ненавидели спецпереселенцев, называли «кулаками» и «врагами народа». Они старались всячески вредить спецпоселенцам и даже, увидев на улице, переходили на другую сторону и плевали им вслед.

Но всё равно жить стало легче. В посёлке появился магазинчик-лавка. В нём можно было купить самое необходимое. А если чего-то недоставало, то мама вместе с такими же женщинами ходила пешком в магазин на Косью. Это в шести километрах от нашего Боровского. Вместо денег тогда были боны. Это была такая большая денежная бумага, состоявшая из купонов... На каждом купоне стояла определённая сумма. Когда ты покупал продукты на энную сумму, то от бонны отрезали купон на эту же сумму. У каждой бонны была своя стоимость.

Помню, папа долбил корытце из дерева, а мама солила в нём свежемороженую сельдь. Потом мы купили козочку. Жизнь налаживалась.

В 1951 году многие семьи трудпоселенцев – Мизюкины, Михайловы, Яковлевы, Халтурины, Шитовы, Елсуковы и другие – переехали из Боровского в Медведку.

Папу наградили медалью за труд в Великую Отечественную войну. Своим трудом в тылу он тоже приближал День победы. Бедный мой папочка, он так и не успел узнать о своей реабилитации, так как умер в 1989 году, а закон «О реабилитации жертв политических репрессий» вышел в 1991 году.

Мою сестру Нину, маму и меня реабилитировали. Отдел реабилитации Управления внутренних дел прислал нам по реабилитационному листу, где индивидуально каждому выражал сочувствие, как жертвам политических репрессий, невинно пострадавшим от произвола, принёсшему нам много горя, унижений и потерь, которые действительно невозможны.

Сегодня Таисья Васильевна на жизнь не жалуется. Активно участвует во всех поселковых делах. За детей радуется. С дочерью живут напротив друг друга – калитка в калитку. Сын, хоть и живёт в Нижневартовске, звонит каждый понедельник. Таисья Васильевна себя богатой бабушкой называет – трое внуков и пятеро правнуков. На стене в комнате целый иконостас из фотографий её большой и дружной семьи.

Об одном только молится – чтобы не повторилось то, что пришлось испытать ей с родителями.

Алексей ЯКИМОВ,
газета «Новости»,
Горнозаводск, 16.12.2021,
<http://gorn-novosti.ru>
Фото автора

ЧЕЛОВЕК В ИСТОРИИ

Тёту Розу знает, наверное, половина Краснокамска. Её стаж работы в местном детском саду – 27 лет. За это время она поставила на ноги своих четверых детей и воспитала почти тысячу детсадовцев.

Какими судьбами жительницу Еревана забросило в маленький город на Каме?

ДОРОГОЙ ПОДАРОК

На улице она то и дело слышит: «Здравствуйте, тётя Роза!» Говорит, что иногда даже неудобно перед мужем. Ведь сегодня её «горшочники» давно не малыши. У них уже родились свои дети, которых они тоже водили в группу к тёте Розе. Вот и получается, что здороваются с ней целые поколения краснокамцев.

Муж Володя в таких случаях говорит: «Начальник ты мой!»

А сам смеётся. Чего скрывать: приятно, что даже на пенсии не забывают.

В детский сад Роза устроилась работать уборщицей, потому что порусски почти не говорила. А как выучила русский, пригласили тёту Розу в группу работать.

«Муж шутил: «Ну, Роза, теперь все бандиты – твои!» А у меня не было бандитов, все хорошие. Я со всеми общий язык находила. Золовка удивлялась сначала: «Я всю жизнь живу в Краснокамске, а столько знакомых нет. Ты недавно приехала, уже всех знаешь». А как не знать? Каждый год ясельная группа меняется. Каждый год нужно с родителями знакомиться, разговаривать».

Среди важных документов и толстых фотоальбомов хранит тётя Роза дорогой подарок: самодельную картину из засушенных лепестков на листе А4. На оборотной стороне трогательная надпись.

Хрупкий подарок тётя Роза оклеила скотчем. «Храню, чтобы листья не осыпались. Я же и правда им слёзы вытирала, и горшки убирала: малышей раньше с полутора лет в ясли водили», – улыбается тётя Роза.

За время работы в детском саду № 44 армянская няня, а потом младший воспитатель Роза Чубанова воспитала почти тысячу краснокамских детей.

«Меня часто родители часто спрашивают: «Тётя Роза, когда снова будете работать?» Нет, не буду, говорю. Уже всё. Устала. Да и своим внукам нужно помогать. У меня же их шестеро. Два парня и четыре девочки», – признаётся Роза.

ГОРЕ В ГОРАХ

В Краснокамск тётя Роза переехала из-за мужа Володи. Семья мужа – крымские армяне. В Молотовскую область (сейчас Пермский край) их депортировали во время Великой Отечественной войны. А встретились они в Ереване, куда Володя приехал в начале семидесятых погостить к одной из сестёр после армии. Сестра его и познакомилась с Розой. Они обручились, потом поженились. Родили трёх дочек и сына. А в 1988-м году на Армению обрушилась страшная беда. Землетрясение стёрло с лица земли Спитак и почти полностью разрушило ещё множество населённых пунктов, среди которых был город Лениканан (теперь Гюмри). Там родился отец Розы, Карапет Меликян, и жила их многочисленная родня.

«Мы тогда похоронили сразу 17 родственников. Даже гробы не успевали делать, хоронили в ящиках», – вспоминает те события Роза Чубанова.

Её муж Володя тогда добровольцем уехал в Степанакерт, тоже разрушенный землетрясением.

«Они там садики разбирали. Поднимают плиты – а за столом дети ле-

Володя и Роза встретились в Ереване.

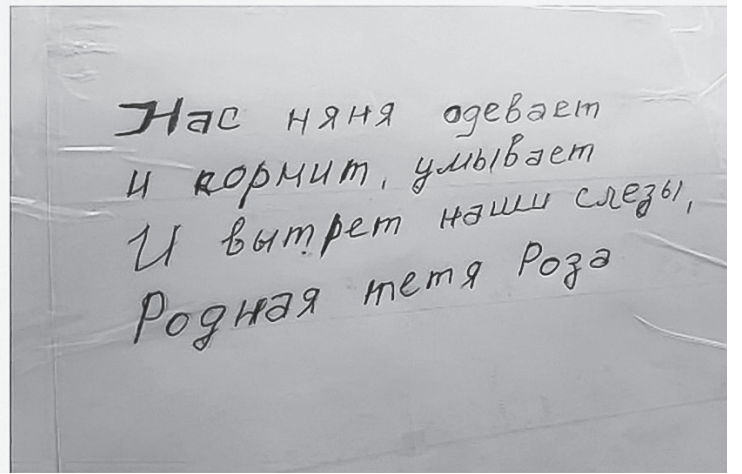
жат. Одного ребёнка он тогда всё-таки спас. В ящиках нашёл. То ли спрятались там, то ли играть залез. Рыженький такой мальчонка. Очень напуган был. Быстрее друг другу его передали со словами: «Водички не давайте, смочите губы – и сразу в больницу», – вспоминает Роза.

После землетрясения и решили уехать в Краснокамск. Отец Розы очень переживал, что она покидает Армению.

«Что ты там будешь делать одна? Без родственников? Даже языка толком не знаешь? Как будешь жить?» – сокрушался он. О

На Урале, конечно, и солнца меньше, и снега больше. Но дольше всех она скучала по своим ереванским соседям.

«Как кофе варят, кричат: «Роза, иди кофе пить!» А я с работы только. «Подождите, дайте хоть переодеться». Сидят во дворе на площадке, ждут, когда Роза придёт к ним кофе пить. Мы и хоронили всем двором, и за детьми друг у дружки присматрива-

Тётя Роза хранит дорогой для неё подарок вместе с самыми важными документами.

ли. Я на седьмом этаже жила, а у соседки с пятого ребёнок остался дома один. И дверь захлопнулась. А газ включён. Я по балконам спускалась в квартиру, чтобы беды не случилось. А здесь мы живём и не знаем, что в соседях происходит. Ни хорошего, ни плохого. Каждый закрылся на замок и сидит взаперти», – переживает тётя Роза.

ГДЕ ВОДА ЛУЧШЕ?

Нет, она не жалуется. Давно могла бы уехать. И не куда-нибудь, а в Германию. У тёти Розы

мама по национальности немка, из Ростова. Семью «раскулачили» за то, что лошадь держали да мельницу. Со слали в Узбекистан, где мама Надежда познакомилась с отцом Розы. Тоже из «раскулаченных». Вернулись в Армению, где жили до смерти отца. А потом мама уехала в Германию. И Розу звала, но та отказалась.

«Я уже привыкла здесь, приросла. Пусть там хорошо, но мне не подходит. Ни климат, ни вода. Аллергия у меня на германскую воду. А на краснокамскую – нет», – хитро шурит тётя Роза светлые глаза, доставшиеся от мамы. Всё остальное от отца. Особенно армянское хлебосольство.

«Придут ко мне дети – пока не накормлю, душа у меня не успокоится. Я даже на кофе приглашу, а сама стол полный стол накрою. У меня такой закон: сначала еда, потом уже кофе. Я одно знаю: если дети сыты, то и мне хорошо», – признаётся тётя Роза.

Её Армения всегда с ней. Это армянская кухня. Маринованный горький перец, шашлыки из баклажанов, фасоль в томатном соке, манты, голубцы с ви-

ноградным листом, который тёте Розе специально высылают из Армении.

«Зимой открываешь посылочку с виноградными листьями, режешь их, в тёплой воде замачиваешь – и можно заворачивать фарш. А потом мацун с чесноком смешаешь для соуса. Мацун – это вроде кефира. Кефир в марлю выльешь, вода уйдёт, а мацун останется», – поясняет тётя Роза.

И это далеко не всё, что она готовит на своей маленькой кухне. Конечно, пермский климат – это не солнечная Армения, но овощи все у неё со своего огорода. А мясо везде одинаковое. Из говядины и свиных ножек получается вкуснейший хаш. Из курицы – ароматный чахохбили. А ещё тётя Роза бесподобно солит свиные ножки.

«Почистить их надо, поварить минут пятнадцать, а потом опустить в солёный рассол. Получается отличная закуска на стол», – говорит тётя Роза.

Самый вкусный в Краснокамске кофе тоже варит тётя Роза. В Армении вообще кофе считается национальным напитком. Не зря ходят легенды, что первые кофейни в Европе открыли именно армянские купцы. В каждой армянской семье – свои секреты приготовления. У тёти Розы он самый простой – её кофе сварен с любовью.

Марина ШНАЙДЕР
«АиФ-Прикамье», 9.10.2020,
perm.aif.ru

Фото автора

От редакции

Тётя Роза и сегодня всё также в хлопотах, внуках... Летом ещё и огород: у неё обязательно растут розы, пусть не такие уж пышные и крупные... Но такие же нежные и яркие, как и розы далёкой Армении. Этим цветам, как и человеку, очень нужна любовь. Недаром роза в Армении – один из символов летнего праздника изобилия Вардавар, который в этом году отмечается 24 июля.